

В. В. Трофимов*

КОНФЛИКТ И СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Рассматривается проблема влияния конфликта и сотрудничества на содержание и характер правового регулирования. Проводится анализ сотрудничества и конфликта как типов социально-правового взаимодействия. Раскрываются закономерности, отражающие механизм формирования правовых правил, опосредующих конфликтный и солидарный типы социальных взаимосвязей.

Ключевые слова: право, правообразование, взаимодействие, конфликт, сотрудничество, система, функция, норма

Изучая право с позиций социологического подхода, осуществляя поиск его общественных оснований, необходимо обратиться к исследованию *социального взаимодействия*: универсально-исторического феномена жизни общества в целом, а также ее составной части и особой разновидности – «правовой жизни». Это кратко сформулированное положение означает, что функционально различные стороны социальной интеракции (взаимодействия), выступая в различных видах и образуя ипостаси правовой жизни (жизни людей, связанной с правом, первоначальными и производными, положительными и отрицательными, статическими и динамическими правовыми явлениями¹), определяют предмет устанавливаемых субъектом правотворчества правовых норм.

Роль социального взаимодействия не пассивна, она не сводится к предмету правового регулирования. Его роль активна, что позволяет рассматривать данный феномен как фактор объективного характера, который воздействует на решения, содержащиеся в правовых нормах, т. е. как фактор, определяющий содержание, характер и конечные цели правовых регуляторов. В определении границ социальной основы права мы волеиневольно наталкиваемся на деятельность людей, описываемую в терминах человеческой коммуникации, взаимодействия или общения индивидов между собой. Это глубинные деятельностно-коммуникативные корни социальной правовой жизни.

Разные правовые акты и правоотношения, характеризующие специфику и уровень правового развития общества и выражающие форму и степень развития социальной жизни, представляют собой упорядочение типов и способов фактических взаимодействий между индивидами как субъектами – участниками правового пространства. Правообразование, правотворчество, правореализация – это функции интегрированных в общее правовое пространство многочисленных взаимодействий между людьми по поводу как установления (поиска) взаимных «возможных» и «необходимых» действий (прототипов субъективных прав и обязанностей), так и легализации найденных образцов правового общения, а также реализации имеющихся механизмов и способов социально-правовой жизни.

Чтобы отчетливее представить себе картину правовой жизни и ее основополагающую часть – правообразование, необходимо утвердить в качестве аксиомы, что социальная (в том числе правовая) жизнь начинается с элементарного взаимодействия между индивидами, в процессе которого создаются прообразы социально-правовых стандартов, нормативов, служащих в качестве управляющих инструментов данных взаимоотношений.

* Трофимов Василий Владиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Тамбов). E-mail: iptgutv@mail.ru.

Природа общественного взаимодействия имеет социально-психологическую основу. Оно возникает на базе чувств, рождающихся у людей по отношению друг к другу. Набор этих чувств безграничен, однако можно выделить две большие группы: 1) конъюнктивные – разного рода сближающие людей, объединяющие их чувства (одна из сторон выступает как желаемый объект, по отношению к которому демонстрируется готовность к сотрудничеству); 2) дизъюнктивные – разъединяющие людей чувства (когда одна сторона выступает как неприемлемая, по отношению к которой не возникает желания к сотрудничеству). Интенсивность того и другого рода чувств может быть различной.

На основе этих групп социально-психологических контактов выделяются типы социальных взаимодействий. Наиболее распространено дихотомическое деление взаимодействий на два противоположных вида: кооперацию и конкуренцию. Авторы используют и другие термины: согласие и конфликт, приспособление и оппозиция, ассоциация и диссоциация и т. д. Принцип выделения различных видов взаимодействия ясен. В первом случае это позитивное взаимодействие, которое способствует организации совместной деятельности. Во втором – взаимодействие, «расшатывающее» совместную деятельность, представляющее собой определенное рода препятствие для нее (эту же классификацию использует А. Р. Ратинов²).

Кооперация, или кооперативное взаимодействие, означает координацию единичных сил участников (упорядочивание, комбинирование, суммирование). Кооперация – необходимый элемент совместной деятельности, порожденный ее особой природой. Что касается конкуренции, то здесь чаще всего анализ сконцентрирован на наиболее яркой ее форме – конфликте. Он может быть проанализирован при наличии адекватной понятийной схемы исследования. Она должна охватывать, как минимум, четыре характеристики конфликта: структуру, динамику, функции и типологию³. Выделение двух полярных типов взаимодействия играет важную роль в анализе социально-интерактивной основы правообразования.

Если вести речь о функциональной зависимости, связывающей части системы социального взаимодействия (интеракции), которые носят характер переменных величин (первая величина обозначается понятием «аргумент», или независимая переменная, а зависящая от нее – понятием «функция», или зависимая переменная⁴), то связь может иметь или отрицательную, или положительную направленность. Применительно к социально-правовому взаимодействию этим понятием в равной мере будут охватываться случаи как социального сотрудничества, сближения (кооперации), так и вражды, антагонизма, конфликта (конкуренции).

Феномен социального взаимодействия с точки зрения его значения по отношению к правообразовательному процессу представляет собой предельно-конечный онтологический момент в рамках контекста общественных отношений, тот базисный (первичный) уровень, на котором начинается жизнь той или иной социальной структуры, в том числе надстроечных правовых форм. Для понимания этих структур, их социальных оснований должны быть изучены и элементы того глубинного ряда, которым является интерактивная социальная среда. При анализе правообразования следует учитывать специфику социально-интерактивной функциональной связи, складывающейся между взаимодействующими субъектами, а также различные типы интеракции – отрицательный (конфликт) и положительный (согласие) – в соответствии с характером устанавливаемых правовых норм (императивные и диспозитивные, запрещающие, предписывающие и управомочивающие).

Качество социального практического взаимодействия всегда складывается в зависимости от «внутреннего механизма» отношения, определяющего в значительной мере общий результат взаимодействия. «Внутренний механизм» может проявляться в различных состояниях: от коллизии, конфликта, антагонизма, оппозиции, антитезиса, конкуренции до компромисса, сотрудничества, кооперации, организации. Эти состоя-

ния и составляют жизнь социума. В практике социального взаимодействия существуют две противоположные, альтернативные стратегии, которые обозначают выбор между парадигмой сотрудничества, гармонизации отношений, обеспечения личной и общей безопасности и парадигмой соперничества, противостояния, агрессии. Эти стратегии называют консенсализмом (лат. *consensio* – единогласие) и диссенсализмом (лат. *dis-sensio* – разлад, разногласие). Под консенсализмом понимается то, что П. А. Сорокин называл, следуя принятой в этике традиции, «неэгоистической творческой любовью», «творческим альтруизмом» (в социологии – «позитивная поляризация»), а под диссенсализмом – то, что социолог называл «индивидуальным и коллективным эгоизмом», основывающемся на вражде и ненависти (или «негативная поляризация»)⁵.

Консенсализм – это взаимодействие, приобретающее форму сотрудничества, партнерства или конструктивного соперничества, соревнования в достижении общих целей. Взаимодействие, в котором существует общность интересов его участников и где обязательным условием и результатом разрешения конфликтов является согласие. Консенсализм предстает в качестве практики конструктивного регулирования и поступательного развития отношений.

Диссенсализм – это взаимодействие в форме межчеловеческой агрессии, враждебного соперничества, конфронтации. Он допускает насилие как средство обеспечения личных и корпоративных интересов и игнорирует общечеловеческие интересы⁶.

Онтологически консенсализм и диссенсализм выступают как две диалектически противостоящие друг другу и дополняющие друг друга в индивидуальном сознании и общественной практике нравственные и политические парадигмы, регуляторы и двигатели поведения и поступков людей.

Следует признать, что обе парадигмы используются при объяснении того, что лежит в основе социального развития, что заставляет людей искать и находить новые пути и способы совместной жизнедеятельности в интересах обеспечения достойного образа жизни. Однако относительно того, какому из явлений (солидарности или конфликту) принадлежит ведущая роль в детерминации социальной жизни, мнения ученых расходятся.

Ю. И. Гревцов приводит две основные позиции: «Одни ученые (О. Конт, Т. Парсонс) полагали, что общественная структура, социальная жизнь вообще и ее развитие держатся только на согласии и солидарности. Причем солидарность, по их мнению, есть исключительно результат взаимодействия и сотрудничества... Г. Зиммель, Р. Дарендорф и др. подчеркивали, в частности, что общественная жизнь порождается и развивается через противостояние, враждебность, настороженность, которые ведут к социальному напряжению на том или ином участке социальной жизни»⁷.

Можно принять во внимание резонность обеих точек зрения. Стремление к сотрудничеству, компромиссу, партнерству и одновременно подверженность конфликту, разладу, противоборству – это две основные социальные альтернативы, в соответствии с которыми происходит развитие всей общественно-правовой системы. Присутствие в социальной системе двух противоположных, но взаимообуславливающих тенденций к гомеостазису⁸ и социальной энтропии⁹, с одной стороны, и система права (механизм правового регулирования) – с другой, находятся в детерминационной взаимосвязи, влияя друг на друга.

В процессе реализации различных социальных интересов формируются два основных типа взаимодействия: *конфликт* и *сотрудничество*. В первом случае речь идет о действиях, «расшатывающих» совместную деятельность. Здесь имеет место образование социально-интерактивной системы, состоящей из субъектов с полярными, антагонистическими интересами (конфликт может быть вызван, например, одновременным стремлением к исключительному обладанию каким-либо материальным объектом). Во втором случае мы говорим о действиях, способствующих организации совместной деятельно-

сти. Здесь имеет место солидарность, интеграция интересов субъектов ради достижения общей цели (например, объединение «усилий» и «капиталов» с целью развития коммерческого «предприятия»).

При анализе норм позитивного права, регулирующих отношения конфликта и сотрудничества, нельзя не увидеть закономерность, которая подчеркивает социально-интерактивную обусловленность правовых норм. Системы с конкурирующими интересами определяют качество императивности правовых норм, обеспечивающих социальное соперничество рамками «допустимо-должного»; системы с кооперирующимися интересами обуславливают качество диспозитивности правовых норм с перспективными границами «возможного».

В процессе исследования социальной обусловленности права остановимся на отношениях борьбы, соперничества, состязательства, или конфликта, порождающего особый тип правового регулирования, предназначенный для опосредования и упорядочения конфликтных отношений в социуме.

Под конфликтом обычно понимается противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Конфликтолог Л. Козер предлагал понимать под конфликтом «борьбу за ценности и претензии на определенный социальный статус, власть и недостаточные для всех материальные и духовные блага; борьбу, в которой целями состоящих в конфликте сторон являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника»¹⁰.

Социолого-правовой анализ конфликта предполагает раскрытие такой важной его черты, как «конструктивная функция». Теория обнаружения конструктивной (а в нашем случае применимо и понятие конструкторской или конструкторско-правовой) функции берет начало в работах Г. Зиммеля. Эта научная традиция связана также с именами Л. Козера, Р. Дарендорфа, М. Дойча¹¹. По их мнению, конфликт предотвращает стагнацию, стимулирует ход колебаний взаимодействий, выступает в роли медиатора, с помощью которого артикулируются проблемы, находятся их решения, служит основой изменений в системах взаимодействия. Более того, как отмечает Л. Козер, в «нецентрализованных группах и свободных обществах конфликт, направленный на разрешение трений между противниками, часто играет стабилизирующую и интегративную роль. Позволяя четкое и ясное выражение противоречащих требований, эти социальные системы получают возможность усовершенствовать свою структуру путем исключения трений. Множественные конфликты помогают им избавиться от источников внутреннего антагонизма и добиться сплоченности. Эти системы снабжают себя, путем институционализации конфликта, важным стабилизирующим механизмом... Внутригрупповой конфликт часто вдыхает новую жизнь в существовавшие нормы или приводит к возникновению новых. В этом смысле социальный конфликт выступает в роли механизма для установки норм, соответствующих новым условиям»¹².

Задача – не пропустить позитивную конструкторско-правовую роль конфликтных ситуаций, выявить механизм осуществления этой роли. Тем более что бесконфликтное существование является скорее утопией, чем реальностью. Конфликты не могут быть ни полностью исключены, ни даже подавлены надолго. С. С. Алексеев, оценивая характер «правовых ситуаций», обращает на это особое внимание. Он отмечает, что «как правило, это конфликт или положение во взаимоотношениях людей, грозящее конфликтом, с внешней стороны – спор, сшибка интересов, соперничество мнений и намерений. Причем в условиях цивилизации, когда волей и страстями людей начинают руководить жесткие индивидуальные интересы, особенно те, которые выражают императивы власти, собственности и идеологии, такого рода конфликтные ситуации становятся постоянно существующей сферой. Теми, по словам Иммануила Канта, проявлениями „необщительной общительности“, „постоянного антагонизма“... которые выражаются

в соперничестве, состязании, конкуренции и которые, нередко выплескиваясь в разрушительных проявлениях, в то же время имеют значение, как это ни поразительно, незаменимого стимула активности и энергии — основы общественного прогресса»¹³.

«В обстановке такой „конфликтной среды“, обостренной групповой и личностной борьбы, и потребовался своего рода противовес — ... право», которое «призвано внести в остросложные ситуации, характерные для общественной жизни в условиях цивилизации... нормативные начала, построенные на принципах гражданского мира, умиротворения, согласия, учета различных интересов, взаимных скоординированных уступок»¹⁴. Как справедливо замечает Ю. А. Тихомиров: «В позитивных и негативных притязаниях на правовой порядок, существующий или новый, заложены важные импульсы, которые общество не может оставить без внимания»¹⁵.

В другой работе ученый эту закономерность представляет более наглядно, подразделяя неформальные социальные отношения на две группы: «К первой группе относятся позитивные неформальные отношения, которые служат в перспективе источником правообразования, отражают солидарность и общность интересов, способствуют выбору вариантов правомерного поведения и легальному усмотрению — административному, судебскому и т. п. Обеспечивают достижение договоренности в русле статусов партнеров и применения законов и других правовых актов. Такие виды отношений могут либо переводиться в правовые, либо признаваться правом.

Вторая группа неформальных отношений охватывает те из них, которые являются негативными. Такие отношения отражают противоправные ценности и мотивы деятельности граждан, должностных лиц и служащих, предпринимателей... Речь, как видно, идет об одном из закрытых секторов правовой сферы. Подобные „теневые“ проявления права нужно тщательно изучать и заблаговременно предотвращать и решительно преодолевать»¹⁶.

Было бы верно дополнить, что часть этих негативных проявлений также отражается в позитивном (формальном) праве (в той его части, которая выполняет охранительные функции) и, таким образом, служит источником правообразования (источником конфликтного права).

Каждый конфликт имеет следующую структуру: участники (стороны) конфликта, условия протекания конфликта, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников конфликта и исходы конфликтных действий (динамика конфликта). В случаях конфликтных ситуаций происходит фиксация определенных форм взаимодействия. Стандарты поведения достигают фиксированного уровня в процессе пересечения, чередования, повторения, изменения линий интеракции, опосредованных энергией участвующих лиц, каждое из которых имеет для «другого» значение качественного и количественного показателя, являясь и эквивалентом «другого», и эталоном, мерой действий оппонента.

Возникающие в ходе конфликтного взаимодействия императивы имеют социально-интерактивную природу, поскольку за каждым (или почти за каждым) из них мы можем найти взаимные акции и реакции участников, имевшие место прежде, в настоящем, а также подразумеваемые в будущем. По данной схеме могут быть рассмотрены и проанализированы конфликтные ситуации, возникающие в различных жизненных областях (сфере преступлений, экологии, семье, гражданском обороте и пр.), с точки зрения их соотношения с правовыми регуляторами, опосредующими данные сферы. Главный смысл императивных норм, негативных (ограничивающих) правовых средств — зафиксировать статус конфликтующих субъектов, определить четкую дистанцию между ними и тем самым обеспечить должную упорядоченность в этой системе взаимодействия и в то же время ее внутреннюю эффективность (полностью устранить конкуренцию невозможно, как невозможно уничтожить свободу воли отдельных субъектов). Отраслями и институтами права, регулируемыми конфликтными взаимоотношениями, можно считать

уголовное право, нормы об административных правонарушениях, некоторые институты экологического, трудового, семейного, процессуального права, отдельные субинституты гражданского права и т. д.

Подобные ситуации влияют на оформление, развитие и институционализацию юридических элементов по мере институционализации и развития самих конфликтных ситуаций. По этому поводу В. С. Нерсисянц, подчеркивая положительное значение перевода социального конфликта в правовую форму, писал: «Юридизация конфликта... не подчиняет себе жизнь, не унифицирует разные интересы... а лишь выражает необходимые общие условия... для равного... справедливо согласованного... по общей норме внешнего проявления этих различий»¹⁷. Поэтому важно выявление и таких элементов правовых норм, какими являются конфликтные типы интеракции индивидов. Это позволит не только правильнее понимать природу правовых норм, но и своевременно открывать правотворческий процесс, решая вопросы создания правовых форм для тех или иных ситуаций социального конфликта ранее, чем его размеры достигнут чрезмерно негативной величины.

Противоположны конфликту согласие, сотрудничество, кооперация, солидарность. Их характер обусловлен рядом общих объективных причин, связанных прежде всего со стремлением людей жить без вражды, существовать друг с другом на мирных взаимовыгодных началах. Э. Дюркгейм писал: «Если мы и любим войну, то мы любим также и радости мира, а последние ценятся тем больше, чем более люди социализированы, то есть (поскольку оба слова равнозначны) цивилизованны»¹⁸. Процесс солидаризации осуществляется автоматически, благодаря тому только, что каждый преследует свои собственные выгодные для себя интересы.

Корпоративная среда — это нравственный правовой источник, который обеспечивает объединившихся и взаимодействующих на основе сотрудничества индивидов установленными правилами, а также способами их применения. Мирные отношения между людьми рождают свои правовые формы, средства, юридические конструкции, адекватные этим отношениям правовые институты, комплексы, элементы которых могут концентрироваться в различных правовых источниках. Все эти элементы составляют право, которое обеспечивает взаимосогласующиеся интересы участников правового обмена и приобретает базовые свойства и качества исходя из этой социальной солидарности.

Право, закрепляющее ситуации сотрудничества, является видимым символом социальной солидарности или корпорации индивидов. Она обнаруживает свое присутствие видимыми действиями. Имея силу, она сближает людей, часто приводит их в соприкосновение, умножает представляющиеся им случаи взаимосвязей. К тому же трудно однозначно сказать, производит ли она эти явления или, наоборот, сама от них происходит; сближаются ли люди от ее силы или же она сильна потому, что они близки между собой. Главное, чем солидарнее люди между собой, тем более они поддерживают разнообразные отношения друг с другом, и число этих «отношений, — определял Э. Дюркгейм, — пропорционально числу определяющих их юридических правил. Действительно, социальная жизнь повсюду, где она долго существует, неизбежно стремится принять определенную форму и организовать, а право — не что иное, как сама эта организация в ее наиболее устойчивом и точном выражении... Жизнь общества не может распространиться до какой-нибудь точки без того, чтобы юридическая жизнь не достигла того же пункта. Значит, мы можем быть уверены, что найдем отраженными в праве все существенные разновидности социальной солидарности»¹⁹.

Одно из главных ее следствий — воспроизведение основных форм социальной солидарности в виде позитивных (стимулирующих) правовых средств, которые находят закрепление в соответствующих правовых формах.

Если придерживаться строго структурно-функционального подхода²⁰, то для более полного исследования природы функции нужно найти соответствующий аргумент, кото-

рый, по сути, «заставляет» эту функцию работать и быть продуктивной. В качестве искомого X выступает социальная система, продуцирующая систему социального контроля, ориентированного не на «запреты» и «негативные санкции», а на «дозволения» и «позитивные санкции» — правовые инструменты, которые поддерживают бесконфликтный социально-правовой порядок. Явления, связанные с построением, развитием и совершенствованием этого порядка, охватываются понятием «позитивная правовая жизнь», которая представляет собой форму юридического бытия общества, выражается в позитивных проявлениях права, характеризует положительное отношение субъектов к праву и высокую степень удовлетворения их интересов²¹.

Правовые средства выбираются или отвергаются, во многом ориентируясь на цели правового регулирования, но этот процесс не может быть произвольным по той причине, что цели определяются исходя не только из субъективных представлений, но и из объективных закономерностей. Ответ на вопрос о том, почему в одних случаях законодатель вынужден ставить «правоограничивающие» и «репрессивные» цели, а в других — определять цели «правостимулирующие», «правопоощряющие» и цели, в соответствии с которыми формируется «набор» правовых средств, настрой правовой системы, зависит от качеств социальной среды, ее предзаданности на воспроизводство правовых стандартов, организационных процедур, поведенческих моделей. «Право неразрывно связано с существованием человеческого сообщества, и, таким образом, условия возникновения права являются условиями социальными», «право изначально коммуникативно»²², т. е. основано на социальном взаимодействии. Поэтому при анализе права, правовых средств нужно исходить из природы социального взаимодействия²³.

Право — явление прежде всего социальное. Именно социальное действие необходимо для того, чтобы создавать и изменять юридические отношения. Социальные действия (взаимодействие участников правовой жизни), выражающие положительное сотрудничество, кооперацию, тесно связаны с такими отраслями позитивного права, как семейное, договорное, коммерческое, процессуальное право.

Таким образом, солидарность (сотрудничество) как положительный вид интеракции, связи между индивидами и социальными группами в рамках микро- и макросистем обуславливает сближение людей, их соприкосновение, а следовательно, и умножение представляющихся им случаев взаимосвязей. Естественно, происходит упорядочение, оформление пропорциональных солидарным взаимосвязям правил юридического характера. Причем большая их часть направлена на предоставление возможностей действовать свободно, без принуждения, поэтому в результате процесса солидарности (сотрудничества) индивидов возникают нормы либо рекомендательного, либо управомочивающего характера. Именно такие нормы составляют и должны составлять главную часть правовой системы. Корпоративное право, договор, вырастающие из положительной интеракции индивидов, — вот главный показатель цивилизованности правовой системы общества.

Как уже отмечалось, процесс солидаризации осуществляется автоматически, благодаря тому только, что каждый преследует собственные интересы, не посягая на интересы другого. Поскольку он самопроизволен, то нет нужды ни в каком принудительном аппарате ни для создания, ни для сохранения динамики данного типа. Для поддержания этих процессов нужен механизм другой направленности — поощрительно-стимулирующей.

Многообразные юридические инструменты представляют собой средства действия права, обусловленные самим ходом общественных взаимодействий. Положительное содержание этих юридических средств раскрывается через положительную природу социальной среды, из которой они происходят и которую они таким образом поддерживают. Это, естественно, не исключает моделирующей и, что особенно важно, легитимирующей функций, выполняемых субъектами правотворчества (правоустановления), т. е. учас-

тия компетентных органов власти в опосредовании возможных социальных ресурсов²⁴. Однако это участие в правообразовании должно быть в высшей степени органичным и целесообразным.

Солидарность (сотрудничество) между субъектами права обуславливает упорядочение, оформление пропорциональных солидарным взаимосвязям правил юридического характера. Большая часть этих правил направлена на предоставление возможностей действовать свободно, без принуждения, строить свое поведение на началах доброй совести (*bonae fidei*), в том числе ожидая в ответ на свои действия предоставления блага (преимущества) со стороны партнера (контрагента по ситуации положительного взаимодействия). Поэтому процесс солидарности (сотрудничества) имеет результатом нормы рекомендательного, управомочивающего характера и регулируется позитивными юридическими средствами (дозволениями, льготами, поощрениями, правовыми стимулами). Именно такие правовые нормы и средства составляют и должны составлять главную часть правовой системы. Это главный показатель (индикатор) надежности и цивилизованности внутренних и внешних механизмов правовой регуляции общественного организма. Думается, что данные правовые технологии активнее должны использоваться в современных условиях правового и государственного строительства. Видимое присутствие в системе права стимулирующего (позитивного) элемента – это залог его стабильности, правового развития и перспектив роста.

Следует согласиться с антропосоциологической трактовкой природы права, которую предлагает В. А. Бачинин: «У правовой системы имеется своя внутренняя энергетика и ритмика функционирования. Она, подобно живому существу, способна и бодрствовать, и дремать, быть разумной и безрассудной, суровой и жалостливой. И это все от того, что за ней стоят люди, переносящие на все, что они создают, черты и признаки своего образа и подобия. Одной из таких главных сущностных черт является транс-агрессивность. Способность человека переступать черту привычного или дозволенного двойственна и имеет как позитивное, так и негативное измерение»²⁵. Оба эти свойства определяют характер социальных ситуаций, агентами которых являются люди, так же как, в частности, стремление людей жить без вражды, существовать друг с другом на мирных взаимовыгодных началах обуславливает ситуации, выражаемые в терминах «согласие», «сотрудничество», «кооперация», «солидарность».

Двойственность (биполярность) социальной детерминанты правового развития (воспроизводства права) непосредственно отражается на двойственности (биполярности) системы правового регулирования, на системе ее методов и средств. «Разрешительный» тип правового регулирования, императивный метод, «охранительное начало» в праве, государственно-правовое принуждение – все это можно назвать закономерным следствием конфликтных отношений, ситуаций «вражды» и антагонизма. В свою очередь, «общедозволительная направленность» правового воздействия, диспозитивный метод, регулятивные механизмы, правовое убеждение и «признание как форма правового санкционирования» – правовые формы, объективно выражающие тип отношений социального сотрудничества, солидарности и партнерства. Это объективные законы социально-правовой жизни, социальные основы правообразовательного процесса.

¹ Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5–15; Малько А. В., Трофимов В. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. 2010. № 7. С. 5–13.

² Ратинов А. Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 225–242.

³ Петровская Л. А. О понятийной схеме социально-психологического исследования конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977. С. 128; Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1978; Ершов А. А. Социально-психологические аспекты конфликтов // Социальная психология и социальное планирование. Л., 1973.

⁴ Яковлев А. М. Теоретические проблемы социологии права // Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970. Вып. 1. С. 26–34.

⁵ Социальная стратификация российского общества. М., 2003. С. 113.

⁶ Там же. С. 113–114.

⁷ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 193.

⁸ Понятие, выражающее стремление системы к сохранению внутреннего и внешнего равновесия (между частями системы, между последней и средой) без изменения ее свойств и связей (Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 194).

⁹ Мера внутренней неопределенности и неупорядоченности социальной системы, проявляющаяся в случайном или заданном распределении статусов и позиций между людьми; максимальная энтропия в социальной системе означает ее неспособность к преобразованиям, а следовательно, беспорядок и повышенную конфликтность (Там же. С. 174, 504).

¹⁰ Цит. по: Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт // Государство и право. 1995. № 9. С. 9.

¹¹ Цит. по: Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. С. 139.

¹² Цит. по: Дойч М. Разрешение конфликта: (конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журн. 1997. № 1. С. 209.

¹³ Алексеев С. С. Право: Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 220–222.

¹⁴ Там же. С. 258.

¹⁵ Тихомиров Ю. А. Право официальное и неформальное // Журн. рос. права. 2005. № 5. С. 84.

¹⁶ Тихомиров Ю. А. Право и саморегулирование // Журн. рос. права. 2005. № 9. С. 88.

¹⁷ Юридический конфликт: процедуры разрешения. М., 1995. С. 55.

¹⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ О возможностях применения структурно-функционального подхода при исследовании правовых явлений см., например: Яковлев А. М. Теоретические проблемы социологии права. С. 26–34.

²¹ «Позитивная правовая жизнь» рассматривается в современной юридической литературе в дихотомии с «негативной правовой жизнью», образующих в комплексе «правовую жизнь» общества. В этом подходе наблюдается логика объемного рассмотрения правовых явлений, всегда содержащих в себе явно или незримо два полюса («плюс» и «минус»), две тенденции («положительную» и «отрицательную») (Малько А. В. Политическая и правовая жизнь России. М., 2000. С. 35–36; Михайлов А. Е. Разнообразие правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 194–240).

²² Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб., 2003. С. 189, 204.

²³ Как верно замечает В. А. Сапун, жизнеспособность теории правовых средств зависит от того, насколько логично она будет увязана с другими аспектами исследования правовой материи (Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. С. 14).

²⁴ «Ресурсы, — по словам Э. Гидденса, —... представляют собой структуральные свойства социальных систем, возникающие и воспроизводимые в процессе человеческой деятельности, в ходе социального взаимодействия... Ресурсы — это средства, с помощью которых осуществляется власть как рутинная составляющая поведения в процессе социального воспроизводства» (Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2003. С. 57).

²⁵ Бачинин В. А. Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 31.